

Широкое лезвие мясницкого ножа
с механической регулярностью
устрашающе быстро нарезает
меня на тонкие кусочки, словно
бритва, отделяя лохмотья моей кожи,
разлетающиеся во все стороны
от жестокости экзекуции.

На протяжении практически всей жизни Франц Кафка изобретал различные варианты своей смерти, десятки тщательно спланированных сценариев. Некоторые из них он записывал в своих дневниках рядом с банальными жалобами на запор или мигрень. Они-то и поражают более всего.

Веревка, наброшенная на шею. Протаскивая меня через окно первого этажа, она резко взмывает вверх, грубо и беспощадно, словно ее держат кто-то, не ведающий, что творит. Вслед за веревкой я проламываю головой потолок, мебель, чердаки до тех пор, пока петля не вылетает через крышу. Только в ней больше нет меня. Мое брентное тело застряло в черепице.

Кафка пытался превратить иногда с восхищением описываемый глубинный страх перед самим собой, искалеченным и разрываемым на части, в сказочки для других. Он не высказывал точку зрения, не выдвигал философских принципов, лишь поражал умы людей рассказами своего необычайно внимательного к деталям подсознания. В лучшем случае его истории источали некую атмосферу, столь таинственную, впрочем, что и ее в слова было не облечь. Потому-то «мясники» современной культуры и усекли его личность до прилагательного.

Ни один современный автор и уж точно ни один писатель со времен Шекспира не подвергался столь тщательному анализу, ни на кого не вешалось такого количества ярлыков. Жан-Поль Сартр прозвал Кафку экзистенциалистом, Камю видел в нем творца абсурда, а его друг и издатель Макс Брод убеждал поколения студентов в том, что через все свои притчи Кафка упрямо стремился к Богу, недостижимому по определению.

Как в романах «Процесс» и «Замок» обличается недостижимость высших органов власти, так и прилагательное «кафкианский» в конце концов стало ассоциироваться с безликой бюрократической системой, которую Австро-Венгерская империя чрезвычайно эффективно насаждала в западных странах. Как бы то ни было, популярность характеристики «кафкианский», неразрывно связанной с фантазиями на тему потери и меланхолии, приобрела в наше время небывалый размах, отвлекая, между прочим, от тонкого еврейского юмора, которым пронизано творчество Кафки.

Прежде чем стать прилагательным, Франц Кафка (1883–1924) был обыкновенным евреем из Праги, отпрыском сказочников и фантазеров, жителей гетто и вечных беженцев, ревностно оберегавших свои традиции. Прагу Кафка называл «мамулей с когтями», он задыхался в этом городе, но все же прожил здесь всю жизнь, за исключением последних восьми ее месяцев.

В 1883 году, когда родился автор, Прага еще входила в состав королевства Богемии Габсбургов, где, к счастью или к сожалению, сосуществовали и перемешивались самые разные языки и социополитические тенденции. Для человека вроде Кафки, немецкоговорящего чеха, который на деле не был ни чехом, ни немцем, сформировать ясное понимание своей принадлежности к какой-либо общественной группе было не самой легкой задачей.

Стоит ли говорить, что в подобной среде понятие гармонии для евреев было недостижимо. Сначала ты относишь себя к немецкой культуре, хотя живешь среди чехов. Говоришь по-немецки, так как немецкий близок к идиш и является официальным языком королевства. Затем чешский национализм берет верх над немецким господством, немцы начинают относиться к чехам с презрением, а что до евреев... то их все ненавидят по определению.

Многочисленные «ассимилировавшиеся» евреи, в том числе и отец Кафки, не хотели, чтобы какие-нибудь нищие родственники из России или Польши, *ostjunden*, напоминали им о статусе иностранцев. Многие зажиточные евреи впоследствии стали сионистами, выучили иврит и сошлись на том, что идиш — язык искусственный.

Сионистское движение, созданное в 1897 году Теодором Херцлем, призывало рассеянных по всему миру евреев воссоздать единое государство на родной палестинской земле. Среди великого множества националистических движений и яростных проявлений антисемитизма зарождающийся сионизм играл роль защитника, привлекая все больше современников Кафки.

Столкновения внутри еврейской общины были для Кафки, выросшего в самом центре одного из старейших гетто в Европе, делом обыкновенным.

«Тесный круг», известный под названием Йозефов, был частью разветвленной сети темных и извилистых улиц и аллей *judengasse*¹, протянувшихся от границ Старого Квадрата Праги до знаменитого моста Карла через речку Влтаву (Moldau по-немецки). В молодости этот переполненный людьми квартал мог похвастаться шестью

синагогами и великолепными барочными зданиями, расположившимися по соседству с загаженными, кишасими крысами клоповниками.

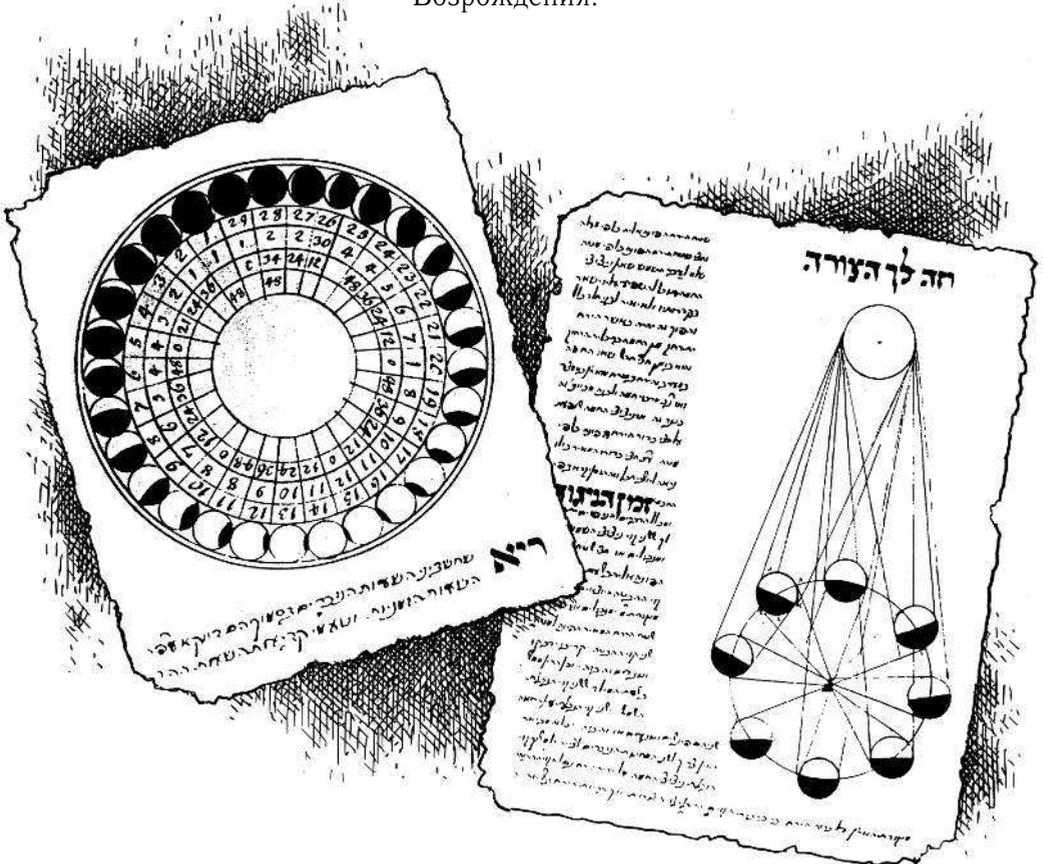

¹ *Judengasse* — еврейский квартал (идиш — «еврейская улица»).

Под ногами его обитателей вот уже семь веков покоились останки и души загадочных представителей еврейского народа, хасидских эрудитов, тайных каббалистов, астрономов, астрологов, свихнувшихся раввинов и прочих провидцев, которые в свое время чрезвычайно редко получали право жить не в гетто или даже просто выходить за его пределы.

В Праге того времени жили талмудические святые, самым известным и почитаемым из которых был раввин Иуда Лёв бен Безалель (1512–1609) по прозвищу Махарал (сокращение от «самый почитаемый из всех ученых и раввинов») — великий мудрец и духовный наставник жителей гетто в конце XVI века. Философ, астроном, натуралист, астролог, Лёв был истинным образцом гуманизма эпохи Возрождения.

ז"ל ר"מ ר"ק
שנת ה'תקל"ח
אריך ימים
אשר

פירוש

שחבר הגאון האלוף ז"ל כמיהוד

יהודה בר בצלאל על פי רש"י ול על חמשה חומשי תורה

לכאן פירש לתלמידים המעינים כי ראשון הוא פירושו לכל פי' לפרש
הפס' גם כולל פתלטר אנרת מדרש רבות ככלתא ספרא וספרי
גם לברר דרכו אם ראמת אתו מה שחסיכו עליו הכאים אחריו ולברר
כל מה שבא בדבריו רז"ל אם בהלכה לברר עומק והלכה ואם
באגדה לכאר אותה על פי סדה וז"כ פעם וסן המאמר' הדועים
עכשו כפי' ר"שי ראי'ה על האנשים שכלם סברי חלמה וסוס' א"ז כהם
ובקצת מקושה להראות פי' כסקראו בחרטום סויתר קרוב עד שחזכו
דהו' הוא נאות אף לעיל והו' אי'ה בתורה וליעק הכים נול' סת' לכן
שם חכיר הנה **גדר ארית** והוא סר' יס' יף כל פירוש' ו'
ודחוק יבוא עד הטר'נה לא יסלסארו כסף החלובל חפני
לא יסו' כו' כסו' סא'ר עוב' ל'
תורת פיך סאל'פי
ע"ב וכס'פ

ברבם תחת השאלות עד כגו הויתוס היסור והאוך רווי חד' אף
זה ויגש'ן וז' אבות כ"אן והוקם החלובה פי' ובכית הד' כ'ז
ח' שישו היקר כמל' חרד'כי ב' ג' ש' כ' י' ו' א' מחזיק

פה לק פראג הבירה בשנת ש"ה ל'מ

למלך
למלכה
למלך
למלכה

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА
КНИГИ РАВВИНА ЛЕВА,
НАПИСАННОЙ В 1578 ГОДУ.

פיחד

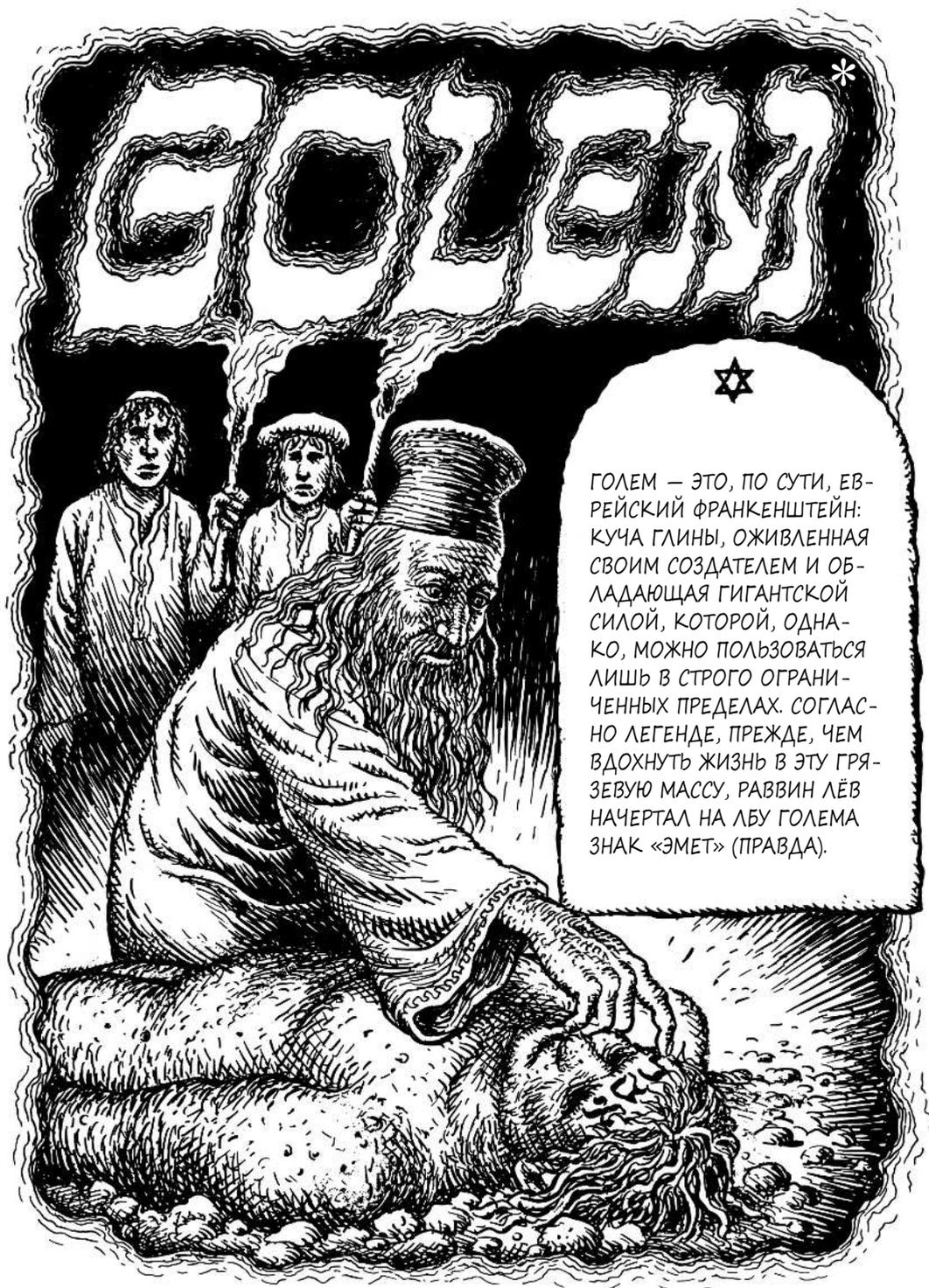

Махарал проповедовал два противоположных принципа, стремясь привести их к гармонии. Он говорил о власти горизонтальной, человеческой, которая воплощается в науке, в со-зидании, в терпимости и в сомнении, и противопоставлял ей власть Бога, вертикальную, абсолютную власть, для которой человек — бессмысленная пыль. Не пытаюсь примирить стороны этого противостояния, мыслитель задавался все новыми вопро-сами, что неудивительно, ведь в этом и заключается вся суть еврейской му-дрости.

Поговаривают, что Махарал также игрался с запретным плодом, то есть с каббалой, основой еврейского ми-стицизма, толкования которой носят прежде всего символический харак-тер и могут быть восприняты всерьез (такое вообще бывает?) лишь после долгих лет тщательного изучения. В каббале буквы еврейского алфави-та таят в себе волшебную силу. Впро-чем, по словам всемирно признанно-го специалиста в области каббалы Гершомо Шолема, весь мистицизм из каббалы давно улетучился, «однако в произведениях Кафки ее символы сохранили невероятную силу».

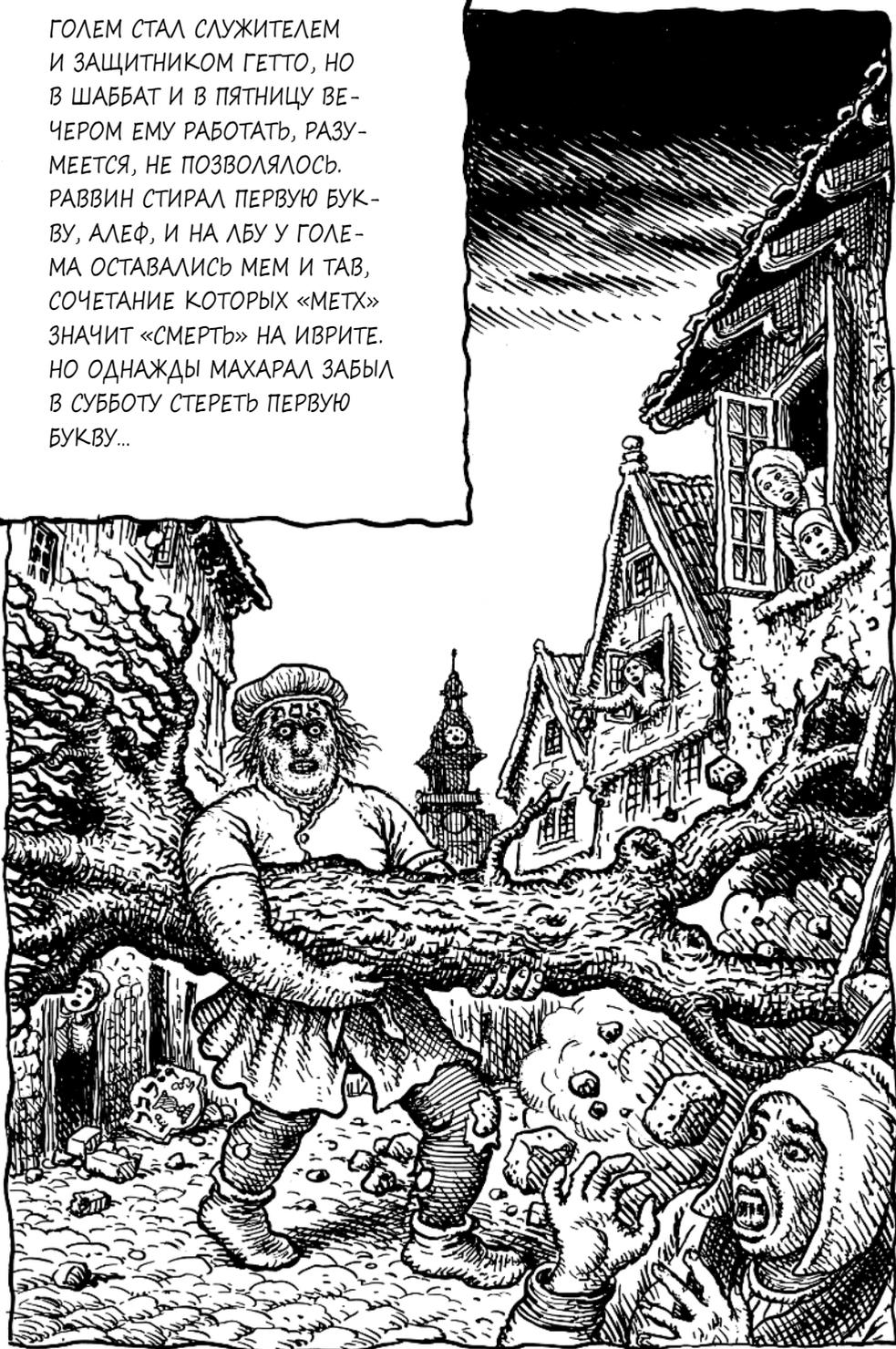
תורת פ"ך סאלפי

Запрещенные каббалистические письмена можно встретить в одной из самых известных пражских легенд, которая неразрывно связана с именем раввина Лёва. Справедливо или нет — неизвестно.

* Голем

ГОЛЕМ СТАЛ СЛУЖИТЕЛЕМ
И ЗАЩИТНИКОМ ГЕТТО, НО
В ШАББАТ И В ПЯТНИЦУ ВЕ-
ЧЕРОМ ЕМУ РАБОТАТЬ, РАЗУ-
МЕЕТСЯ, НЕ ПОЗВОЛЯЛОСЬ.
РАВВИН СТИРАЛ ПЕРВУЮ БУК-
ВУ, АЛЕФ, И НА ЛБУ У ГОЛЕ-
МА ОСТАВАЛИСЬ МЕМ И ТАВ,
СОЧЕТАНИЕ КОТОРЫХ «МЕТХ»
ЗНАЧИТ «СМЕРТЬ» НА ИВРИТЕ.
НО ОДНАЖДЫ МАХАРАЛ ЗАБЫЛ
В СУББОТУ СТЕРЕТЬ ПЕРВУЮ
БУКВУ...

РАВВИН ЛЁВ
ПРИБЕЖАЛ В СИ-
НАГОГУ КАК РАЗ
ВОВРЕМЯ, ЧТОБЫ
СТЕРЕТЬ СО ЛБА
ГОЛЕМА ВСЕ БУК-
ВЫ И ТЕМ САМЫМ
ОТНЯТЬ У НЕГО
ЖИЗНЬ.

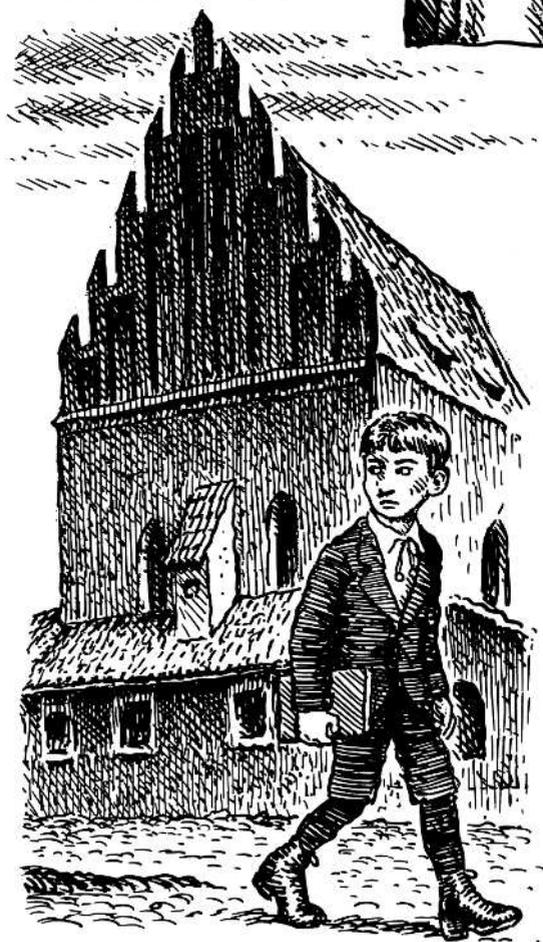

ГОЛЕМ РУХНУЛ НА ЗЕМЛЮ, РАССЫПАВШИСЬ
НА КУСОЧКИ, КОТОРЫЕ СТАЛИ ПРЕВРА-
ЩАТЬСЯ ОБРАТНО В ТО, ИЗ ЧЕГО РАВВИН ЛЁВ
ПОДНЯЛ ЕГО, ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ ЕВРЕЙСКУЮ
ОБЩИНУ.

Своему зятю и своему ученику, с которыми Лёв создал голема, он сказал:

«Никогда не забывайте о случившемся сегодня. Пусть это будет для вас уроком. Даже самый идеальный голем, призванный защищать нас, может в один миг стать разрушительной силой. Посему будем осторожны с тем, что имеет силу, точно так же как мы с добротой и терпением относимся к тому, что слабо. Всему свое время и место».

Однако на этом история голема не закончилась. По слухам, его останки сложили на чердаке синагоги «Альтнё» (Старо-Новая синагога в Праге), одного из самых жутких с виду зданий пражского гетто. По всей видимости, там они покоятся и по сей день, в комнате, вход в которую запечатан навеки.

Кафка не был религиозным евреем и крайне редко упоминал легенды пражского гетто в своих произведениях. И все же ему не удалось избежать того фантастического влияния, которое они оказывали на сознание любого еврея того времени.